

На улицах, где жизнь кипела разнообразием, никто не обращал внимания на бродящих детей. Лавочники гнали их прочь, опасаясь, что те станут воровать скудную еду. Так бродила Дзюсэцу, пока вечер не окутал город. Ворота захлопнулись, и, шепча «Мама», девочка прижалась к углу, засыпая в слезах. Она нашла свою мать лишь на следующее утро. Как она добралась до того места, Дзюсэцу не помнила. Площадь, где когда-то свершалась казнь, теперь была её печальным ориентиром. Там, на виселице, безжизненно свисала голова матери. Волосы, некогда отливающие серебром, были окрашены кровью, прилипшей к лицу. Слегка приоткрытые губы, казалось, вот-вот произнесут имя Дзюсэцу. Позже бывшая наложница-Ворон, Рейджо, рассказала, что мать казнили за государственную измену. Император опасался мести. Дзюсэцу обнаружила себя, дрожащую, на обочине дороги. Она не ела с тех пор, как сбежала, но и желания не было. Пустота в сердце была больше, чем голод. Она не могла пошевелиться. Вскоре Дзюсэцу попала на глаза работоторговцу, который продал её клану Ю в качестве служанки. Краска с её волос сошла, но все считали, что её грязно-белые локоны — результат тяжёлого труда. Два года спустя, в один из осенних дней, стрела, пронзив крышу ворот дома Ю, прилетела из ниоткуда. Глава клана Ю, в ярости пытаясь узнать причину, побледнел, когда во дворцовый посланник. Стрела, сияющая странным, некрасивым золотом, была знаком. Посланник привёл Дзюсэцу во дворец. Девушка не знала, ждёт ли её смерть, но сопротивляться не было сил. Она бросила мать, видела её голову, но внутри царила пустота. Они прошли через восточные ворота и оказались у огромного дворца Ямей. Посланник, евнух, проводил её к пожилой женщине в роскошных одеждах. Это была Рейджо. — Стрела — перо золотой птицы, — сказала она, — птицы, которая выбирает следующую наложницу-Ворона. И ты — та самая. Рейджо грустно посмотрела на девочку. — Отныне ты будешь жить здесь, — вздохнула она про себя, — как же жестока судьба... Она рассказала Дзюсэцу о бегстве матери, о её серебряных волосах. Рейджо знала всё. Если бы правда о происхождении Дзюсэцу раскрылась, её ждала бы участь матери. Но раз её выбрали, ей суждено было жить здесь. Рейджо выкрасила волосы Дзюсэцу, растила её, стараясь не выпускать из дворца. Даже умирая, она волновалась за её будущее. Научила её читать, писать, говорить, владеть искусством наложницы-Ворона. У Дзюсэцу с рождения не было сверхъестественных способностей, но они проявились, когда она прибыла в Ямей. Благодаря Рейджо она научилась ими пользоваться. Пустота в сердце Дзюсэцу исчезла, заполненная знаниями, мудростью и любовью. ...Но глубоко в груди всё ещё зияла пустота, словно бездонный сосуд. Дзюсэцу разогнулась над прудом, отжимая мокрые волосы. Ей нужно было перекрасить волосы. Она опустила на колени, потянулась за миской с краской... — ! — Она почувствовала чьё-то присутствие, подняла взгляд. Дыхание перехватило. На другом берегу стоял Коушун, а позади него — Эйсей. С такого расстояния она не могла разглядеть их лица, но они точно видели её волосы, отливающие серебром под лунным светом. Дзюсэцу, словно испуганный кролик, помчалась к своему дворцу, захлопнула за собой двери и сползла вниз. Не может быть, чтобы император не знал, что означают её серебряные волосы. Она была слишком беспечна. Нужно было быть осторожнее. Всё из-за ольховых шишек и бетельных орехов, на которые Эйсей обратил внимание. Она назвала их лекарством, и это была правда. Эти растения действительно применялись в медицине. Но из-за его внимания она решила немедленно перекрасить волосы, пока не возникло подозрений. «Паника — главная причина неудач», — говорила Рейджо. Всё кончено. Её казнят. В дверь тихо постучали. Дзюсэцу напряглась. — ...Ты забыла у пруда свою миску. Я оставляю её здесь. Голос принадлежал Коушуну. Последовала пауза. Дзюсэцу задержала дыхание, прислушиваясь. — Вытирайся тщательно. Иначе заболеешь. Я вернусь сегодня вечером. Она услышала, как он уходит. Дзюсэцу вскочила, слегка приоткрыла дверь. Коушун обернулся. — ...И ты больше ничего не скажешь? — спросила она срывающимся голосом. — Нет, — Коушун даже бровью не повёл. — Я ничего сегодня не видел. Дзюсэцу замерла. Что он имел в виду? Она прокручивала эти слова в голове снова и снова. Похоже, поняв это, Коушун добавил: — Я имел в виду только то, что сказал. Он повернулся к ней спиной и спустился вниз по лестнице. Эйсей, ожидавший внизу, последовал за ним, и они вместе

направились к воротам. Дзюсэцу смотрела им вслед, пока их спины не исчезли из виду. Коушун вернулся к ней после полудня. Теперь с ним был не только Эйсей, но и девушка. — Я привёл служанку, которую ты хотела. Это была ДзюДзю. Девушка, приведённая сюда внезапно, нервно оглядывалась. Дзюсэцу пристально посмотрела на Коушуна. Его лицо не изменилось. Оно было таким же безэмоциональным, как и в первый раз. «О чём он думает?» Он и правда собирается притвориться, что ничего не видел вчера? Почему? Пока она размышляла о его намерениях, послышалось тихое: — Дзюсэцу? Она подняла взгляд и увидела округлившиеся глаза ДзюДзю. — Конечно. Я тебе благодарна за твою вчерашнюю помощь. После этих слов челюсть ДзюДзю отвисла. — ...А? О чём ты? Разве ты не служанка? — Я наложница-Ворон. Прости, что обманула. — Ха? — ДзюДзю в недоумении прижала руки к щекам. — Я хочу, чтобы ты служила мне. Хотя делать тебе придется не так уж много. — Служила... Почему я? — Ты же сама сказала, что хочешь работать во дворце Ямей. — Говорила, но... — ДзюДзю, похоже, была сбита с толку. — ...Я ошиблась? Она посоветовала Эйсею взять ДзюДзю, потому что та так говорила. Дзюсэцу подумала, что всё очень кстати. — Просто так сказала, — смущенно пробормотала ДзюДзю, оглядывая комнату. — Это был порыв... Дзюсэцу задумчиво опустила взгляд. Вот оно что? Вчера они прекрасно провели время, и она решила, что с ДзюДзю будет весело. — Это ненадолго, — сказала Дзюсэцу, — но если тебе это не по душе... Она и не думала долго ее держать. Им просто нужна была причина, чтобы взглянуть в перечень жен, а с постоянно рядом находящейся служанкой их быстро бы раскрыли. — Сей, принеси, — приказал Коушун, до этого молча наблюдавший за разговором девушек. Эйсей держал поднос с одеждой, которую и поднес ДзюДзю. — Это форма служанки. Пожалуйста, переоденься. После слов Эйсея ДзюДзю не могла отвести взгляд от одежды. — Я... я могу это надеть? Такую красивую... — Ты же служанка, — спокойно сказал Коушун. — Но если ты предпочтешь остаться во дворце Трапез, мы найдем кого-нибудь другого. — Нет! Ничего такого! Я могу работать здесь! — ДзюДзю прижала одежду к груди, ее глаза встретились с взглядом Коушуна, и она быстро опустила взгляд. Лицо ее вспыхнуло румянцем. Она охотно согласилась всего лишь из-за одежды. У Дзюсэцу от этого возникло странное чувство, смесь радости и легкого беспокойства. — А теперь к сути, — сказал Коушун, когда ДзюДзю пошла переодеваться. — Благодаря тебе мы сможем проверить перечень. Он говорил так же равнодушно, как всегда. — У Хан Оуджо была служанка, а у той была своя служанка, которая умерла от болезни. — Болезни? — уточнила Дзюсэцу. — Подробности неизвестны. После смерти Хан Оуджо ее сделали служанкой другой наложницы, сейчас она должна быть в доме Сен Е. В дом Сен Е отправляли пожилых служанок или тех, кто провинился. — Ее зовут Со Когё. Кстати, никаких других повесившихся или задушенных наложниц больше не было. «Значит, то и правда призрак Хан Оуджо...» — подумала Дзюсэцу. Она погладила свой пояс, в котором была спрятана нефритовая сережка. — Тогда мне необходимо увидеть эту Со Когё. — Ты пойдешь в дом Сен Е? — На невыразительном лице Кошуна появился робкий румянец; император взглянул на Эйсея. — Это не то место, которое должна посещать наложница-Ворон, — сказал Эйсей. Дзюсэцу фыркнула. Дзюсэцу, которая была раньше служанкой, это не касалось. — Ничего страшного. Если я смогу с ней увидеться, то выясню, принадлежала ли эта серьга Хан Оуджо или нет. В комнату вошла переодевшаяся ДзюДзю. — ДзюДзю, отправляемся. — А? Куда?.. То есть, куда мы идем, Няньян? — спросила ДзюДзю, явно растерянная. Не ответив ей, Дзюсэцу откинула шелковые занавески, висевшие в задней части комнаты. Форма служанки все еще лежала на ее кровати. — Я сейчас переоденусь. Вы двое, выйдете, — сказала она, обращаясь к Коушуну и Эйсею. Коушун молча поднялся с кресла, лицо Эйсея выглядело недовольным. Глаза ДзюДзю стали походить на блюдца, когда она увидела, что Дзюсэцу приказывает императору. Не дожидаясь, пока они уйдут, Дзюсэцу задержала занавески обратно и развязала пояс.